

О.А. Тимофеев

АДМИНИСТРАЦИЯ Б. ОБАМЫ И ОТНОШЕНИЯ США С ГОСУДАРСТВАМИ АТР

The U.S. shift of power to a new administration requires from Washington to articulate more clear its own strategy in a changing international situation. Asia Pacific region seems to become one of the key directions of the U.S. global strategy. The U.S. political scientists' recent prerequisites make us possible to assume that the White House will adhere to the more moderate course in its relations with East Asia major economic powers, such as China, Japan, South Korea, ASEAN members.

В США традиционно конкурируют три точки зрения по поводу того, как следует реагировать на процесс возвышения Китая. Сторонники первой предлагают как можно интенсивнее проводить «вовлечение» (engagement) Китая в международные экономические, политические, финансовые структуры (ВМФ, ВТО, G20, G2 и др.), не привязывая уровень взаимодействия с ним к его недемократическому внутреннему устройству. Приверженцы второй точки зрения выступают за осуществление стратегии сдерживания (containment) в отношении КНР, поскольку, по их мнению, это единственный способ нейтрализовать угрозы, исходящие от тоталитарного азиатского гиганта. Третья точка зрения представляет собой соединение двух прерывных (congagement): вовлечь Китай в международную систему, особенно в экономические структуры с тем, чтобы ему было невыгодно идти на конфронтацию, но быть готовым сдерживать его возможные дестабилизирующие действия и отразить гипотетическую военную угрозу.

Процесс передачи власти в США в конце 2008 – начале 2009 гг. сопровождался активным поиском свежих идей и решений тех сложных проблем, которые достались в наследство от администрации Дж. Буша-мл. Одним из наиболее важных результатов такого поиска стала публикация 80-страничного доклада «США и Азиатско-Тихоокеанский регион: стратегия безопасности для администрации Б. Обамы», презентация которого состоялась 11 марта 2009 г. в фешенебельном Вашингтонском отеле «Виллард Интерконтинентал». Проект возглавил один из старейших американских дипломатов, специализировавшихся на азиатской проблематике, – Джеймс Келли, занимавший пост заместителя госсекретаря по АТР в 2001–2005 гг. и входивший в так называемую «команду Пауэлла – Золика» в госдепартаменте, выступающую за более взвешенный подход к выработке внешнеполитических приоритетов администрации Дж. Буша-мл. Кроме того, на презентации выступили и другие авторы документа – руководитель Программы стратегических исследований Центра военно-морского анализа (Center for Naval Analyses) адмирал Майкл Мак-Дэвигт, президент Тихоокеанского форума (Pacific Forum) в Гонолулу Ральф Косса, директор Института стратегических исследований Национального университета обороны Патрик Кронин и сотрудник Института оборонного анализа Брэд Робертс. Общее руководство проектом осуществляла сравнительно молодая «фабрика мысли» США – Центр новой американской безопасности (Center for a New American Security), основанная в феврале 2007 г. близкими к руководству демократической партии бывшим помощником заместителя министра обороны в администрации Клинтона К. Кэмпбеллом и М. Флаурной, недавно назначенной заместителем министра обороны по политическим проблемам. Таким образом, проект претендует на выработку некоторого внешнеполитического консенсуса между умеренными консерваторами и правыми демократами по вопросам осуществления стратегического курса в АТР новой администрации Белого дома. Не случайно один из разделов доклада по-

священ двухпартийной стратегии в регионе, основой которой объявляются, с одной стороны, альянсы с рядом государств региона (прежде всего Японией), а с другой, – отношения конструктивного сотрудничества с Китаем¹.

С 1990 г. по 1998 г. в Соединенных Штатах было опубликовано четыре подобных доклада. Первые два, обнародованные в апреле 1990 г. и апреле 1992 г., являлись официальными документами о стратегии США в новых условиях окончания холодной войны и распада СССР, направленными администрацией Дж. Буша-ст. Конгрессу США. В докладе 1995 г. содержались основы многосторонней политики США, прежде всего в связи с присоединением к Асеановскому форуму по безопасности (АРФ). Однако после «тайваньского мини-кризиса» 1996 г. и официально продекларированного У. Клинтонем год спустя желания развивать отношения стратегического партнерства с КНР назрела необходимость разработки нового документа, составленного на этот раз в Министерстве обороны США². Его авторы предприняли попытку сделать документ образцом открытости и транспарентности намерений США в период усиления страхов перед набирающей обороты милитаризацией региона. Документ вновь подтвердил прежние обязательства содержать в регионе крупнейшую зарубежную группировку вооруженных сил США численностью до 100 тыс. человек. Другим средством поддержания степени устойчивости выгодной для США модели региональной среды безопасности было названо вовлечение региональных держав в широкий многосторонний диалог.

Однако после прихода к власти администрации Дж. Буша-мл., несмотря на то, что внешняя политика активизировалась по многим направлениям, в США ни по одной из «дорожек» дипломатии не было разработано ни одного фундаментального документа по стратегии в АТР, в котором бы уточнялись региональные аспекты взаимодействия – как, например, события 11 сентября 2001 г., иракская война, расширение зоны ответственности НАТО, планы создания национальной противоракетной обороны (ПРО). Одной из главных причин этого называется сосредоточение Белого дома на глобальной войне с терроризмом. При этом усилия Буша и компании представить контртеррористическую операцию как глобальную борьбу между силами тирании и силами свободы, непреднамеренно провоцирующие ассоциации с теорией С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, не увенчались успехом ни в мире в целом, ни в АТР в частности. Уже на Шанхайском саммите АТЭС, состоявшемся лишь через месяц после событий 11 сентября 2001 г., намечились расхождения между США, с одной стороны, и Индонезией и Малайзией, – с другой, касающиеся некоторых резких «антитеррористических» формулировок итогового документа саммита.

Другой характерной чертой бушевской политики в регионе стал отчетливый сдвиг в сторону стратегии, основанной на одностороннем (unilateral) формате действий. Уместно в этой связи вспомнить фразу, оброненную Кондолизой Райс в 2003 г.: «я за многосторонние решения, но я за решения»³.

В конце первого десятилетия XXI в. Америка сталкивается с двойной проблемой: резким изменением характера международной среды, связанным с последствиями глобального финансового и экономического кризиса, и резким повышением роли Азии в глобальной экономической архитектуре. Пути решения именно этих проблем пытаются найти разработчики представленной стратегии.

Доклад группы Келли состоит из четырех разделов.

1. Среда безопасности в АТР.

2. Стратегические императивы политики США.

3. Формы и модели реализации региональной стратегии.

4. Уточнение ожиданий от процессов выстраивания отношений зрелого партнерства.

Авторы доклада выделяют четыре основных изменения, которые произошли в регионе за последнее десятилетие. Во-первых, это повышение глобального экономического и политического веса стран АТР. В настоящее время на эти страны приходится свыше 30% глобального экспорта, а годовой объем их двухсторонней торговли с Соединенными Штатами превышает 1 трл. долларов США. Кроме того, на страны АТР приходится более двух третей всех золотовалютных резервов в мире.

Следует при этом учитывать, что в самих государствах АТР растет понимание их возрастающей роли в мировой политике. Так, один из наиболее известных региональных политологов, декан факультета публичной политики Сингапурского национального университета К. Махбубани в опубликованной в марте 2009 г. статье открыто призывает Запад признать и научиться понимать «реальность века Азии» (the reality of the Asian century)⁴. При этом присутствовавший на презентации доклада другой известный политолог азиатского происхождения А. Ачария высказал серьезные сомнения в том, что лидеры формирующегося на базе АСЕАН Восточноазиатского сообщества (East Asian Community) в настоящее время с распростертыми объятиями встретят явно запоздалое желание США, долгое время дистанцировавшихся от предложений АСЕАН по развитию «мягкого институционализма», присоединиться, наконец, к происходящим в регионе интеграционным процессам.

Второй фактор связан с возвышением Китая, что самым фундаментальным образом способно изменить траекторию развития региона в целом. Авторы доклада воспринимает тот факт, что Китай полностью осознает потребность в мирном окружении в период осуществления грандиозных внутренних экономических и социальных преобразований. Однако в КНР растет и другое понимание – усиление собственной глобальной роли. Например, один из наиболее влиятельных американистов, заместитель директора Института международных отношений университета Фудань (Шанхай) У Синьбо подчеркивает изменение стратегической повестки американо-китайских отношений при Б. Обаме. Если в начале президентского срока У. Клинтон в двусторонней повестке доминировала тема прав человека, а при Буше-мл. – проблемы военно-стратегической безопасности (Китай – стратегический соперник), то накануне 2009 г. на передний план вышла экономическая проблематика. По мнению ученого, высказанному в одной из бесед с автором, в рамках фокусирования внимания на данных проблемах впервые создавалась такая благоприятная ситуация, когда Китай вполне может сравниться с США по своему глобальному влиянию. С другой стороны, тот же самый У Синьбо на страницах популярного издания «Хуаньцю шибао» предупреждает, что в условиях, «когда разрыв между силами обеих сторон непрерывно сокращается, вполне возможно накопление взаимных разногласий и противоречий, что может увеличить опасность столкновения»⁵.

Третий фактор – рост числа государств, обладающих ядерным оружием или близких к его созданию. Индия и Пакистан уже фактически легализовали ядерный статус в оборонной сфере. Китай продолжает модернизировать свой потенциал в области ядерного оружия и ракетной техники. При этом на КНР в отличие от России и Соединенных Штатов не распространяется действие Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), которые в настоящее время составляют основу ядерного арсенала Китая. Одновременно повышается и опасность передачи оружия массового уничтожения и технологий по его производству «проблемным» государствам и негосударственным акторам.

Пожалуй, впервые в документах подобного рода в качестве фактора, дестабилизирующего международную среду в области ядерной безопасности, назван выход ад-

министрации Дж. Буша-мл. из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. и начало развертывания в регионе систем ПРО, к настоящему времени включающих такие объекты как радио-локационные станции раннего предупреждения Cobra Dane (о. Шемия, Алеутские острова), Beale (Калифорния), РЛС морского базирования SBX, дислоцированную в районе Аляски, РЛС передового базирования FBX-T на о. Хонсю, 16 противоракет наземного базирования (13 на Аляске и 3 – в Калифорнии), системы «Иджис» корабельного базирования⁶.

Четвертый фактор – все возрастающий интерес к многостороннему сотрудничеству. Благодаря ведущей роли межгосударственных институтов, созданных прежде всего на базе АСЕАН, АТР в настоящее время превратился в «плави́льный котел» многосторонних механизмов в политической и экономической сфере, а также в сфере безопасности. По мнению авторов доклада, хотя эти учреждения пока еще несовершенны, они уже создали «привычку сотрудничества» (habits of cooperation) и помогают выстраивать в регионе систему отношений, основанную на принципах взаимопонимания. Регулярный политический диалог, экономическая взаимозависимость, имплементация принципов «мягкого институционализма» способствовали появлению новой атмосферы, в рамках которой страны региона находят совместные подходы к широкому кругу проблем безопасности.

В свою очередь Вашингтон должен понять возрастающие ожидания своих союзников, партнеров, равно как и потенциальных противников (competitors). Как в самом тексте доклада, так и в выступлениях его основных авторов несколько раз подчеркивалось осознание Соединенными Штатами своей роли как державы, непосредственно расположенной в регионе (resident power), о чем впервые было заявлено министром обороны Р. Гейтсом на состоявшейся в мае 2008 г. ежегодной международной конференции «Диалог Шангри-Ла» в Сингапуре⁷.

Администрация Б. Обамы должна признать существующие императивы, твердо следуя в своей региональной политике таким принципам как стратегическое присутствие в регионе, поддержание и укрепление двусторонних связей, артикуляция реалистичной и прагматичной китайской политики, которая подчеркивала бы роль Пекина в качестве «ответственного заинтересованного участника» (responsible stakeholder) системы международных отношений, более активное участие в региональных многосторонних форумах, интенсификация многостороннего и двустороннего сотрудничества, направленного на борьбу с терроризмом и экстремизмом, предотвращение распространения оружия массового поражения, в сфере экологии и изменения климата, энергетической безопасности, а также в других сферах нетрадиционной безопасности.

Ключевым инструментом в борьбе за покорение умов и сердец авторы доклада считают «умную силу» (smart power) – стратегию, в которой оптимальным (наиболее «умным») образом проявлялось бы сочетание «жесткой», т.е. военной и экономической мощи с «мягкой» силой публичной дипломатии⁸. В свою очередь мягкая сила США должна включать в себя прежде всего такие элементы как углубление и расширение переговорных процессов, экономическое и культурное вовлечение региональных государств и элит, инвестирование в профессиональное образование, восстановление механизмов публичной дипломатии, принятие на себя основных обязательств по обеспечению экологической и энергетической безопасности⁹.

Основным средством подтверждения США своего стратегического присутствия в регионе должно стать укрепление двусторонних отношений с традиционными региональными союзниками, прежде всего Японией, Юж-

ной Кореей и Австралией, что не вносит никаких существенных изменений в региональную повестку по сравнению с предыдущими десятилетиями. При этом союзнические отношения с Японией по-прежнему называются «фундаментом американского присутствия в АТР»¹⁰.

США намерены способствовать стремлению значительной части японского политического истеблишмента к превращению Японии в «полноценную» региональную военно-политическую державу, способную взять на себя значительную долю ответственности за поддержание в Восточной Азии установившегося стратегического баланса. Для этого администрации Б. Обамы предлагается предпринять следующие конкретные меры.

1. Добиваться отмены вето Конгресса на экспорт истребителей пятого поколения F-22A Raptor, при этом Япония должна стать одним из первых покупателей данного вида вооружений. Токио уже неоднократно заявлял о планах замены своих истребителей F-4, стоящих на вооружении с 1973 г.

2. Поощрять активизацию участия Токио в разработке систем ПРО. Япония в настоящее время участвует в производстве и закупках противоракет типа «Иджис», «Пэтриот» и SM-3. В 1998 г. в Токио было принято решение содействовать американской системе ПРО и разместить на своей территории элементы этой системы, прежде всего РЛС передового базирования. В июле 2007 г. Министерство обороны Японии заявило о намерении создать свою собственную систему ПРО для защиты от возможной ракетной угрозы со стороны КНДР и КНР. Кроме того, Япония проводит трехсторонние консультации о создании совместной системы ПРО в бассейне Тихого океана совместно с США и Австралией в рамках «Тройственного стратегического диалога», созданного в 2005 г.

3. Повышению самостоятельности Токио в военно-стратегической сфере будет способствовать сокращение американского военного присутствия на Окинаве. В период до 2014 г. около 8 тыс. американских морских пехотинцев будут переведены на остров Гуам. Согласно достигнутому соглашению их место займут военнослужащие сил самообороны Японии.

4. Япония также является мировым лидером в сфере возобновимых технологий и могла бы помочь США облегчить переход к экономике, базирующейся на технологических моделях, в меньшей степени зависящих от использования традиционных углеводородных энергоресурсов.

Более сложные отношения складываются в последние годы у США с Южной Кореей. В Сеуле в настоящее время происходит переход власти к так называемому «поколению 386»¹¹, представители которого активно участвовали в студенческих волнениях 80-х гг. XX в. и недовольны той поддержкой, которую США оказывали военному режиму Чон Ду Хвана.

Одновременно двусторонние отношения осложняются и позицией американских законодателей. Так, до сих пор остается нератифицированным подписанное в 2007 г. Соглашение о свободной торговле (KORUS FTA), которое авторы доклада называют «наиболее важным торговым договором со времен НАФТА»¹². По этому соглашению предполагается в течение первых трех лет распространить беспощинный режим на 90% товаров, а в течение 10 лет – отменить и остальные тарифы. Кроме того, резкими демаршами, направленными против Сеула, отличились некоторые известные американские сенаторы, в том числе и нынешняя госсекретарь Х. Клинтон, в свое время упрекавшая правительство южнокорейской партии Еллин Уридан в «исторической амнезии».

Вместе с тем авторы доклада видят большие перспективы в развитии южнокорейского направления американской стратегии в АТР. Предлагается восстановить трехсторонний консультативный диалог с участием США, Япо-

нии и РК – тремя государствами, обладающими сходным видением региональных проблем (three like-minded countries). В отличие от периода президентства Дж. Буш-мл. авторы доклада определяют содержание американо-южнокорейских отношений не как «стратегическое партнерство», а как полноценный альянс, причем он должен оставаться столь же прочным даже в случае объединения Корейского полуострова, что в Вашингтоне традиционно видится лишь как поглощение Севера Югом¹³.

В рамках широко разрекламированного курса на «перезагрузку» внешнеполитических подходов, связанного с повышением интереса к консультативным механизмам и развитием мультилатерализма, новому президенту предлагается больше внимания уделять проблемам АСЕАН, в частности присоединиться к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве (Балийскому договору), поддерживать усилия региональных держав по созданию Восточноазиатского сообщества и институционализации Восточноазиатских саммитов. В этой связи критике подвергается не только политика Дж. Буша, но и его предшественника У. Клинтона, в разгар азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. не предпринявшего никаких усилий для облегчения экономической ситуации в государствах региона.

Не должен остаться неохваченным многосторонними структурами и другой важный регион – Северо-Восточная Азия. Здесь многосторонние процессы предлагается развивать путем дальнейшей институционализации и расширения повестки такого уже запущенного ad hoc механизма – шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблематике. По мнению авторов доклада, Вашингтон должен быть заинтересован в его трансформации в более перманентную региональную структуру, однако не в ущерб существующим двусторонним союзам с Японией и Южной Кореей и лишь в той степени, в какой данная структура будет иметь возможность играть определяющую роль в решении своей основной задачи – обеспечении денуклеаризации Корейского полуострова¹⁴. В последнее время в США вообще наблюдается некоторое изменение подходов к КНДР, характеризующееся большей сдержанностью в ответ на те или иные действия Пхеньяна. Это наблюдение можно отнести к позиции как исполнительной, так и значительной части законодательной ветви власти, что в будущем может создать достаточно прочный консенсус перед лицом столь щекотливой проблемы. Не случаен в этой связи тот факт, что самым первым в восточноазиатском бюро госдепартамента было назначение дипломата С. Босворта, в 90-е гг. занимавшего должности исполнительного директора Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (KEDO), а затем посла в РК, специальным представителем США на переговорах с КНДР¹⁵.

Руководители госдепартамента не устают повторять о приверженности курсу на поддержание прямых контактов с Пхеньяном, хотя накануне выборов Б. Обама ратовал за осуществление «твердого и наступательного дипломатического курса» в отношении КНДР¹⁶. Со своей стороны и ведущий эксперт по проблемам Восточной Азии в сенатском комитете по международным делам Фрэнк Джаннузи в своем выступлении на состоявшейся 23 марта 2009 г. в вашингтонском фонде «Херитедж» фокус-дискуссии американских законодателей «Азия 2009: взгляд с Капитолийского холма» отметил: «Если мы будем ежегодно выплачивать Северной Корее по миллиарду долларов за отказ от ядерной программы, то это будет гораздо более продуктивным вложением, чем то, что мы сделали в Ираке»¹⁷.

Среди страновых приоритетов в ЮВА называются два формальных союзника – Филиппины и Таиланд (хотя планируется существенным образом расширить повестку двусторонних отношений путем включения в нее проблематики, связанной с новыми (нетрадиционными) пробле-

мами безопасности), а также так называемый «виртуальный союзник» (virtual ally) – Сингапур, не принявший на себя пока каких-либо обязательств, имеющих характер формальных межгосударственных соглашений. Однако благодаря своему геополитическому положению Сингапур может стать наиболее полезным для Вашингтона партнером в глобальной войне с терроризмом и обеспечении безопасности на море.

Отдельно выделяются отношения США с Индонезией, крупнейшим мусульманским государством в мире и «естественным лидером» (natural leader) ЮВА, являющим собой позитивный пример того, как исламские традиции могут гармонично сочетаться с либеральной демократией. Кроме того, подчеркивается и личный потенциал Б. Обамы, прошедшего в Индонезии свои юные годы и крайне популярного в этой стране. Следует при этом отметить, что в Джакарте подобные оценки вызывают положительный отклик, усиленный желанием политических элит восстановить свои международные позиции, в значительной степени утерянные в 90-е гг. в результате экономических трудностей и политической нестабильности. Так, один из ведущих индонезийских политологов Ю. Вананди в своей недавней статье во влиятельной англоязычной «Джакарта таймс» призывает создать в Восточной Азии свою «Большую восьмерку» – клуб наиболее влиятельных держав (East Asia's G8), в который вошли бы США, Китай, Япония, Россия, РК, Индия, Австралия и Индонезия. Подобная организация, по мнению эксперта, могла бы стать прообразом будущего многополярного устройства в регионе, основанного на принципах «концерта держав». Не случаен в этой связи и тот факт, что единственным из государств АСЕАН, которое посетила новая госсекретарь США в феврале 2009 г. в ходе своего большого восточноазиатского турне, стала Индонезия.

Основное внимание в докладе уделено отношениям с ведущей региональной державой – КНР. Показательными в этой связи оказались не только долгосрочные тренды, отраженные в тексте доклада, но и события, предшествовавшие его презентации, в полной мере продемонстрировавшие все сложности и противоречивости американо-китайских отношений на современном этапе, – с одной стороны, инцидент в Южно-Китайском море, связанный с вытеснением из зоны океанографических исследований (по версии Пекина – разведывательной деятельности) кораблями ВМС КНР американского судна *Impeccable*, а с другой, – визит в США министра иностранных дел КНР Ян Цзечи с целью согласовать детали предстоящего саммита G2 в Лондоне.

Одним из ключевых изменений в региональной структуре безопасности в последнее десятилетие в докладе называются возвышение Китая и его стратегическое влияние на Азию. КНР прямо называется «наиболее важным игроком во всех аспектах азиатской безопасности»¹⁸. Улучшая оперативные-тактические возможности своих ВМС, Китай начинает обозначать собственное все более осязаемое присутствие в сфере, которая с середины прошлого столетия была заповедником Соединенных Штатов и их союзников. По мнению аналитиков Пентагона, подход Китая к обеспечению баланса сил в АТР можно охарактеризовать как стратегию «препятствования доступу» (anti-access) вооруженных сил США в акваторию морей, омывающих побережье Китая¹⁹.

При отсутствии реакции Вашингтона на подобные тенденции, установившемся в АТР в последние десятилетия балансу сил был бы нанесен значительный урон. Например, стратегия Китая могла бы изолировать Японию во время потенциального кризиса. Что касается китайско-тайваньских отношений, то авторы доклада отмечают позитивный вклад отказа недавно избранного президентом Тайваня Ма Инцзю от идей провозглашения независимости острова и его намерения сохранять статус-кво в районе Тайваньского пролива.

В основе подхода нынешней Вашингтонской администрации к Китаю, по мнению авторов доклада, должно стать формулирование «реалистичной и прагматичной китайской политики». В течение двух предыдущих десятилетий Соединенные Штаты практиковали политику «вовлечения» Китая, основанную на стратегии экономического взаимодействия и поощрения КНР, к более активному участию в процессах экономической глобализации. Одновременно Вашингтон подстраховывал свои интересы в АТР, сохраняя в регионе и «разумное» военное присутствие.

В целях определения форм взаимодействия на новой фазе отношений требуются три шага. Во-первых, возвышение Китая, его политическое и культурно-цивилизационное влияние в АТР должно быть принято как свершившийся факт, с которым должна считаться внешняя политика США.

Во-вторых, следует сосредоточить стратегию Вашингтона на сферах экономического, политического и культурного сотрудничества с КНР и конкуренции с Пекином в области распространения собственной «умной силы». По мнению ряда политологов США, в этой сфере у Вашингтона пока еще сохраняются значительные преимущества. Так, бывший глава Азиатского отдела Совета национальной безопасности Виктор Ча на состоявшемся 9 марта 2009 г. в центре им. В. Вильсона семинаре, посвященном китайско-южнокорейским отношениям, высказал мысль, что в отличие от нового президента США, провозгласившего борьбу за преодоление последствий глобального экономического кризиса краеугольным камнем своей внешнеполитической стратегии, лидеры в Пекине пока не спешат брать на себя подобные обязательства, что не остается незамеченным международным сообществом.

В-третьих, Вашингтон должен определиться с иерархией собственных озабоченностей, касающихся Китая. Такие проблемы как права человека, военная модернизация, конкуренция в сфере потребления энергоресурсов и проблемы охраны окружающей среды требуют использования различных внешнеполитических инструментов, равно как и различных акцентов со стороны правительства США. В ходе презентации П. Кронин в качестве примера подобного реализма отметил тот факт, что Х. Клинтон во время своего визита в Пекин не заостряла проблему прав, несмотря на давление со стороны НПО.

Не обойдена вниманием в докладе и Россия, Дальневосточный регион которой признается частью АТР. К сожалению, во многом авторы продолжают ту аналитическую линию, которая была заложена в западной историографии политики России на Дальнем Востоке еще в конце XIX в. и традиционно строилась на обвинениях ее в какой-то особой негативной роли в событиях в регионе в сравнении с другими державами²⁰. Так, в историческом обзоре подчеркивается роль президента Теодора Рузвельта, который «сдерживал попытки России создать исключительную зону влияния в Северном Китае», при этом «знатоки» вопроса напрочь забывают и о японской оккупации Южной Маньчжурии и об аннексии Кореи²¹.

С другой стороны, вполне можно согласиться с выводом, что отношения России с государствами региона характеризуются более положительной составляющей, чем с США и рядом европейских государств²². Определенный оптимизм может вызывать и прозвучавшее на презентации доклада желание Р. Коссы «продвигать демократию, а не лиги демократии».

Таким образом, подготовка и обнародование доклада «США и Азиатско-Тихоокеанский регион», в работе над которым приняли участие многие авторитетные специалисты как в сфере международной стратегии, так и регионоведы, вполне могут стать поворотной точкой в региональной политике новой американской администрации. Эксперты высказали свое мнение. Многое теперь будет зависеть от работы специализирующихся на проблемати-

ке АТР американских дипломатов, штат которых пока еще только формируется.

¹ Cossa Ralph A., Glosserman Brad, McDevitt Michael A., Patel Nirav, Przystup James, Roberts Brad. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration. – Washington: CNAS, 2009. – P. 62.

² The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. – Washington: Department of Defense, 1998.

³ Rice Condoleezza. Address to the International Institute for Strategic Studies. June 26, 2003 // <http://www.iiss.org/recent-key-addresses/condoleezza-rice-address/?locale=en>.

⁴ Mahubany Kishore. What Hillary Didn't Do In Asia // <http://www.newsweek.com/id/186967>.

⁵ У Синьбо. Чжун-Мэй вэй даго юси сюньчао гуйцэ (Китай и США ищут правила игры между великими державами) // Хуанью шибао. 20.02.09.

⁶ Cossa Ralph A. etc. ... – P. 3.

⁷ Gates Robert. Challenges to stability in the Asia-Pacific, The Seventh Shangri-La Dialogue. – L.: IISS, 2008. – Ch. 2. – P. 29.

⁸ Полемика по этому поводу с неоконсерваторами принимает уже почти анекдотические формы. Так, на семинаре с характерным названием «Дрейф ключевых союзников: могут ли США полагаться на Японию и Великобританию?», состоявшемся 16 марта 2009 г. в консервативном American Enterprise Institute, бывший заместитель министра обороны США и директор Всемирного Банка Пол Вулфовиц заявил: «Я не понимаю, что такое «умная сила», равно как и термина «многосторонний подход» (multilateralism). В свою очередь я бы предложил изобретателям этих терминов подумать о стратегии «умного мультилатерализма». Как тут не вспомнить многократно цитировавшийся основоположником концепции «мягкой» и «умной» силы Дж. Наем эпизод своей полемики с Доналдом Рамсфелдом, в ходе которой бывший глава Пентагона настаивал на внутренней алогичности термина «soft power».

⁹ Cossa Ralph A. etc. ... – P. 76.

¹⁰ Op. cit. – P. 41.

¹¹ Политики, родившиеся в 60-е гг., начавшие заниматься активной политической деятельностью в 80-е, в возрасте около 30 лет.

¹² Cossa Ralph A. etc. ... – P.43.

¹³ Op. cit. – P. 67.

¹⁴ Op. cit. P.27

¹⁵ Речь идет о переговорном механизме, автономном от шести-стороннего процесса в Пекине, в котором американскую сторону по-прежнему будет представлять посол Сун Ким.

¹⁶ Barack Obama and Joe Biden's Plan to Renew U.S. Leadership in Asia // http://obama3.cdn.net/ef3d1c1c34cf996edf_s3w2mv24t.pdf.

¹⁷ Следует отметить, что Ф. Джаннузи традиционно выступает за более примирительную позицию в определении стратегических приоритетов США в АТР. Так, он еще в 2000 г. резко негативно отнесся к высказанной клинтоновскими «ястребами» (в госдепартаменте поддержанными М. Олбрайт) идее развертывания глобальной ПРО (см. Frank Jannuzi. Missile Defense and East Asia: Downside and Risks. Institute for Corean-American Studies Lecture. October 13, 2000 // <http://www.icasinc.org/2000/2000f/2000ffsj.html>).

¹⁸ Cossa Ralph A. etc. ... – P. 23.

¹⁹ Department of Defense. Military Power of the People's Republic of China: Annual Report to Congress. 2007 // <http://www.defenselink.mil/pubs/pdfs/070523-China-Military-Power-final.pdf>

²⁰ См., напр.: Ernst von Hesse-Wartegg. Schantung und Deutsch-China: von Kiautschou ins Heilige Land von China und vom Jangtsekiang nach Peking im Jahre 1898. Leipzig: J.J. Weber, 1898; Harold M. Vinacke. A History of the Far East in Modern Times. New York: Knopf, 1928; John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer, Albert M. Craig. A History of East Asian Civilization. Boston: Houghton Mifflin, 1960. Vol.2. East Asia: The Modern Transformation.

²¹ Cossa Ralph A. etc. ... – P. 12.

²² Op. cit. – P. 26.